

Найджел Уэст

«ГЕСТАПО-МЮЛЛЕР»

Глава из книги Найджела Уэста «Поддельные шпионы Холодной войны. Истории о шпионаже – подлинные или вымышленные?».

Оригинал: Nigel West, «Cold War Counterfeit Spies: Tales of Espionage – Genuine or Bogus?», Frontline Books, 2016.

Сокращенный перевод с английского: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2016 г.

Одной из наиболее печально знаменитых фигур Второй мировой войны был, несомненно, Генрих Мюллер, глава самого зловещего аппарата тайной полиции, который осуществлял почти полный контроль нацистской Германии и оккупированных немцами стран. Бывший летчик Первой мировой войны, а позже высокопоставленный полицейский офицер в Мюнхене, где он расправлялся, среди прочего, с нацистами как с подрывным движением, «Гестапо-Мюллер», оказался верным, хоть и неразборчивым слугой государства, который в 1936 году был переведен в *Sicherheitsdienst* (Службу безопасности), и в ноябре 1940 года поднялся по служебной лестнице до звания группенфюрера СС и должности наивысшего полицейского чиновника Рейха. На этой должности Мюллер разыскивал вражеских шпионов и безжалостно расправлялся с подрывными элементами. После неудачного покушения на Гитлера в июле 1944 года он расследовал дела заговорщиков и передал тех из них, кто не успел покончить жизнь самоубийством, Народному суду, который приговорил их всех к различным формам казни.

Мюллер, соответственно, приобрел репутацию, которая сделала его человеком, вызывающим даже больший страх, чем большинство руководителей режима, построенного на страхе, пытках и жестокости, но в апреле 1945 года он просто исчез. Хотя он всегда находился в самых верхних строчках в списке разыскиваемых нацистских военных преступников, Мюллер исчез без следа, и в отличие от доктора Йозефа Менгеле и Адольфа Эйхмана, он не оставил абсолютно никакого следа. Его семья, состоявшая из жены, сына и дочери-инвалида, продолжала жить в Мюнхене, но что касается самого Мюллера, то не было никаких намеков, указывавших на то, что он сбежал из бункера фюрера в Берлине в последние дни войны. Позже распространились слухи, будто бы Мюллер всю свою жизнь был коммунистом, и нашел убежище в Советском Союзе, где ему дали

новые документы на новую фамилию. Однако никогда не было предъявлено никаких доказательств, позволявших предположить, что он не погиб среди руин Берлина, где позже появилась могила, на надгробном камне которой было указано его имя.

Генрих Мюллер (1900-1945 (?))

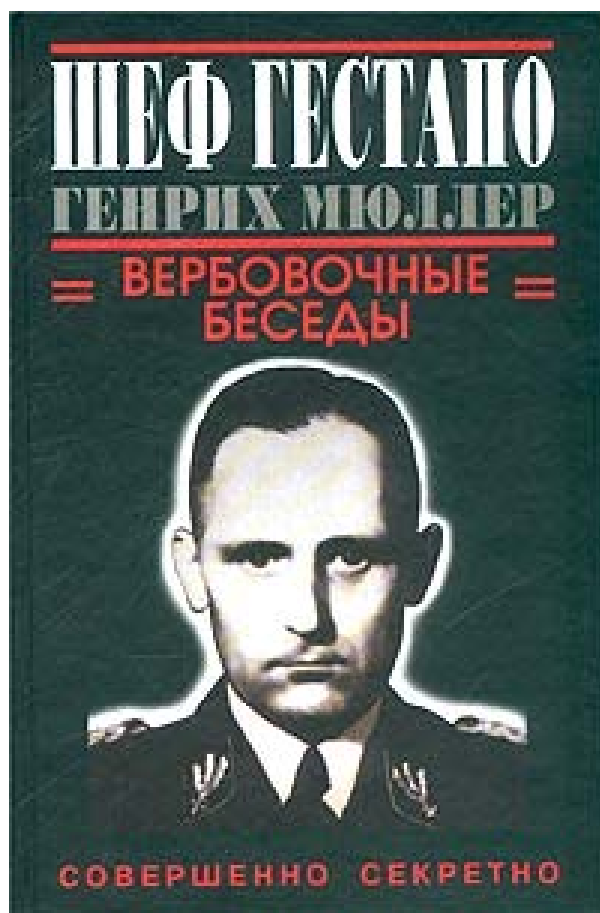
(Сторонником версии о работе Мюллера на СССР был, в частности, француз Пьер де Вильмаре, участник Сопротивления и бывший офицер французской разведки, автор книги [«Досье Сарагоса»](#). Это же предположение поддерживал отставной офицер ЦРУ Теннент («Пит») Бэгли. Бывший министр внутренних дел коммунистической Чехословакии Йозеф Барак незадолго до своей смерти утверждал, что чешская разведка в 1950-х годах по просьбе СССР якобы выкрала Мюллера из Аргентины и передала его советским коллегам. Однако Ладислав Биттман, перебежчик из чешской разведки, в одном своем интервью сказал, что никогда не слышал такой истории, хотя он сам и работал в «немецком» отделе чехословацкой спецслужбы. – прим. перев.)

Такое положение сохранялось до 1973 года, когда власти ФРГ выдали ордер на арест Мюллера в качестве меры предосторожности на тот случай, если он все еще действительно был жив. И больше о нем ничего не было слышно до 1995, когда один американский автор сделал удивительное открытие. Он утверждал,

будто бы некий коллекционер исторических военных документов недавно купил собрание документов, среди которых был материал, принадлежавший Мюллеру. И этот материал включал 800-страничную расшифровку стенограмм и магнитофонных записей допросов, проведенных каким-то офицером ЦРУ в Швейцарии на протяжении более двух месяца в конце лета и в начале осени 1948 года. Согласно Грегори Дугласу, который утверждал, что исследовал этот архив Мюллера, этот нацист улетел из Берлина на маленьком самолете, когда советские войска подступали к «Фюрербункеру», и получил в Швейцарии новые документы на другую фамилию. Там он оставался до сентября 1948, когда его бывший заместитель по Гестапо Вилли Крихбаум связался с ним и выступил в качестве посредника для недавно созданного ЦРУ. После этого ЦРУ завербовало Мюллера и переправило его в Соединенные Штаты, где он предоставил американцам неопределимую информацию о своих контактах в Восточной Европе. Эта его тайная роль якобы продолжалась вплоть до 1960-х годов.

К моменту разоблачений Дугласа было уже общеизвестно, что сразу же после войны некоторые бывшие нацисты установили и развили отношения самого различного вида со множеством американских спецслужб в Европе. Довольно многие из них нашли работу в «*Bundesnachrichtendienst*», западногерманской Федеральной разведывательной службе (БНД), возглавляемой генералом Райнхардом Геленом. И только недавно выяснилось, что Клаус Барби (в СССР его фамилию обычно писали на французский манер – «Барбье» – прим. перев.), печально известный «Лионский мясник», как оказалось, будучи официально в бегах, оказывал помощь американской военной контрразведке (СIC). В такой окружающей среде поэтому не казалось настолько маловероятным, что Мюллер, возможно, избежал поимки и был принят на службу организацией, сконцентрировавшей свои усилия не на бывших нацистах, а на новой советской угрозе, как потенциально привлекательный источник информации.

Согласно Дугласу, который в 1995 году выпустил книгу «*Гестапо-Мюллер*», этого нациста в 1948 году убедили работать на ЦРУ, и ему передали копии расшифровок стенограмм его допросов, которые Мюллер аннотировал и поместил в свой личный архив. (Грегори Дуглас утверждает, что эти «вербовочные беседы» (на немецком языке) не только стенографировались, но и записывались на магнитофонную пленку. Два тома из трех, выпущенных Грегори Дугласом, были переведены на русский язык и изданы в 2000 году издательством «Совершенно секретно»: «Шеф Гестапо Генрих Мюллер. Вербовочные беседы» и «Шеф Гестапо Генрих Мюллер. Дневники». – прим. перев.)

*Обложка российского издания книги
«Шеф Гестапо Генрих Мюллер. Вербовочные беседы»*

Таким образом, оригинальные документы Мюллера, купленные в Швейцарии неким неназванным коллекционером, состояли из записей допросов и другого, не менее удивительного материала: расшифровок записей телефонных бесед, которые вели между собой президент США Франклин Делано Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль по зашифрованному трансатлантическому каналу радиотелефонной связи между Белым домом и Уайтхоллом.

Этот последний материал никогда прежде не был известен. Согласно Дугласу, данный канал связи подвергался радиоперехвату службой радиоразведки германской Имперской почты с 7 сентября 1941 года. Материалы радиоперехвата составляли от тридцати до шестидесяти расшифровок в день. Хотя этот источник считался совершенно секретным, некоторые из записей на английском языке были переданы Мюллеру, который сохранил некоторые из наиболее интересных, даже если иногда они были сокращены и представляли собой лишь от-

рывки. Две такие записи были отобраны Дугласом для воспроизводства в полном виде, и их содержание было воистину взрывоопасным. Первая, датированная 26 ноября 1941 года, содержала текст разговора, в ходе которого Черчилль предупредил, что японская ударная группа из шести авианосцев и двух линкоров, сопровождаемых многочисленными другими кораблями, вышла днем раньше в море и направлялась к Пёрл-Харбору. Это значит, что за целых двенадцать дней до налета японцев на Гавайи Рузвельту дали самое подробное и своевременное уведомление о намерении Токио осуществить внезапное нападение на Соединенные Штаты. На самом деле, даже не дожидаясь вопроса об источнике его новостей, британский премьер-министр сам сообщил, что эта его информация поступила «от наших агентов в Японии, как и от самой специфической разведки в форме зашифрованных сообщений с самого высокого уровня японского военно-морского флота». Как будто желая подчеркнуть надежность сообщений, Черчилль пояснил, что «один из источников – человек, который снабжал нас материалом о дипломатических шифрах, что [беседа прервана] и военно-морские учреждения, информацию из которых смогла получить наша служба».

Вторая расшифровка, выбранная Дугласом для публикации, не настолько значима для истории, но она, как предполагается, была записана в понедельник 19 июля 1943 года, когда эти два государственных деятеля обсуждали недавнюю авиакатастрофу, в которой погиб польский лидер генерал Владислав Сикорский, когда его бомбардировщик Б-24 «Либерейтор» попытался вылететь из Гибралтара. Якобы целью разговора были планы союзников относительно Бенито Муссолини, который только что был помещен новым итальянским правительством под арест, но Рузвельт воспользовался этой возможностью, чтобы выбрать Черчилля за недавнюю смерть адмирала Дарлана, утверждая, что: «В моих разведывательных кругах, да и в других местах, хорошо известно, что этого человека убили вы». Затем он посетовал, что Сикорский погиб, находясь «под вашей протекцией и под вашим контролем», и что «слишком много людей, несогласных с вами, попадают в фатальные авиакатастрофы». Еще более примечательно, что президент попросил о том, чтобы «данная закономерность изменилась. В конце концов, корабли тоже тонут. Вспомните «Лузитанию»».

Далекий от того, чтобы отрицать эти весьма необычные обвинения, Черчилль, кажется, признал их правильность, сказав, что «мы здесь расстреливаем шпионов», а затем приравнял бывшего американского посла в Лондоне Джозефа Кеннеди к предателю. Рузвельт тогда ответил словами, что «у вас есть герцоги Виндзорский и Кентский, а у меня есть Джо Кеннеди».

Из расшифровок перехваченных телефонограмм, процитированных Дугласом, эти трансатлантические беседы, очевидно, являются самыми существенными, поскольку их значение очевидно. В первой беседе Черчилль дал Рузвельту самое подробное предупреждение о неизбежном японском нападении, но Рузвельт не предпринял в ответ на это никаких действий. По любым стандартам это было существенным вкладом в многолетний спор о том, не скрыл ли Белый дом сознательно своевременно полученные сведения о готовящемся нападении японцев, чтобы покончить с нейтралитетом Америки. С тех пор, как было признано, что некоторые японские военно-морские и дипломатические шифры читались шифровальщиками американского флота, бушевали дебаты о той степени, в которой Рузвельт заранее располагал (и располагал ли вообще) информацией о японских намерениях. Но до публикации расшифровок из архива Мюллера никогда не было каких-либо надежных доказательств для предположений, что президент участвовал в заговоре, более того, что соучастником его в этом заговоре был Черчилль, который, предположительно, обладал доступом к секретным японским коммуникациям.

Несмотря на отсутствие какого-либо независимого подтверждения подлинности расшифровок этих радиотелефонных переговоров или судебного анализа фактических документов, есть определенные причины, чтобы подвергнуть сомнению то, что эти беседы в том виде, как они описаны здесь, когда-либо имели место. В отношении расшифровки переговоров о Пёрл-Харборе кажется действительно очень необычным, что Черчилль мог бы сослаться на эти два источника, в которых, по его словам, он был уверен, сказав, что они были отдельными агентами (во множественном числе) и разведкой на каналах связи. По совпадению, была, очевидно, связь между этими двумя, поскольку один из агентов был тем же самым человеком, который «скомпрометировал дипломатические шифры» (т.е. передал их англичанам – прим. перев.). Таким образом, согласно Черчиллю, Великобритания в сентябре 1941 года обладала больше чем одним агентом в Японии, поддерживала контакт с ними, и могла получать информацию от них о событиях в течение нескольких часов после того, как эти события происходили. Беседа Черчилля с Рузвельтом, предположительно, имела место в 13.15 часов в среду, 26 ноября 1941 года, и в ней речь шла о выходе в море японской ударной группы «вчера с секретной базы на северных японских островах». Однако, согласно официальной истории британской криптографии во время Второй мировой войны, дешифровщикам в Блечли-парк удалось прочитать какие-либо японские дипломатические шифрограммы, созданные шифровальной машиной, только уже после нападения на Пёрл-Харбор, даже при том, что американцы передали британцам точную копию шифровальной машины PURPLE (японцы называли ее «алфавитной печатной машиной типа 97») еще в январе 1941 года. Ранее взламывать японские военно-морские шифрованные

сообщения удавалось лишь вручную, и без помощи кого-либо в Японии. Хотя к сентябрю 1941 года Великобритания еще не была в состоянии войны с Японией, у представителя Секретной разведывательной службы (СИС) в Токио не было никаких находившихся на свободе агентов в Японии, которые могли бы располагать средствами связи для почти немедленной передачи сообщений британцам. Таким образом, кроме явной неправдоподобности того, чтобы премьер-министр заявил, будто бы какого-то японского военно-морского офицера вынудили выдать британцам тайны шифров его страны, абсолютно невозможно, что у СИС были какие-либо агенты в Японии. И, конечно, у британцев не было ни одного агента с доступом к будущим планам японского флота. То, что противник прослушивал трансатлантические беседы между Даунинг-стрит и Белым домом, было известно, если верить Рут Ив (урожденной Магнус), телефонистке, которая контролировала звонки, слушая их, чтобы предотвратить любые нарушения секретности, и строго напоминала об этом перед каждой беседой. В своих воспоминаниях, сохранившихся в рукописи, которая хранится в Архиве Черчилля в Кембридже, Рут Ив настаивает на том, что неестественно звучащий диалог опирался на упоминания телеграмм, которыми ранее в тот же день обменивались эти два политика. Поэтому они называли только пронумерованные параграфы, а не определенные темы. Другими словами, запись беседы, описанная Дугласом, не могла быть подлинной.

На основании того, что расшифровка этой телефонограммы представляет собой довольно неправдоподобную фальсификацию, есть еще и другие внутренние доказательства, чтобы предположить, что все это было написано куда позже, чем в 1941 году. И мимолетное упоминание в этой беседе вице-президента США Гарри Гопкинса как человека, сочувствующего СССР, является здесь довольно существенной. Согласно расшифровке, Черчилль сказал, что «мы не можем поставить под угрозу наши усилия по дешифровке», и затем настаивал на том, что «даже Гопкинсу» нельзя рассказывать о дешифровании. «Это пойдет прямо в Москву», предположительно сказал Черчилль, но все же Рузвельт не дал абсолютно никакого ответа, что означает, что президент либо уже знал о том, что его вице-президент был в постоянном прямом контакте с Советами, либо был согласен с этим.

(Здесь очевидная ошибка автора. Гарри Гопкинс никогда не был вице-президентом. Уйдя с официальных постов в 1940 году по состоянию здоровья (еще в 1937 году ему была проведена операция по удалению части желудка вследствие заболевания раком), Гопкинс, тем не менее, оставался в «штабе» Рузвельта его ближайшим помощником, будучи одним из самых влиятельных людей «эры Рузвельта». С 1940 года он жил в Белом доме. В другом месте книги Грегори Дугласа Мюллер подозревает в работе на Советы не только Гопкинса, но и другого американского политика – Генри Уоллеса. Вот Уоллес действительно был с 1941 по 1945 год вице-президентом США. – прим. перев.)

В реальности утверждение о том, что Гопкинс был источником информации для Кремля, впервые рассматривалось Кристофером Эндрю в его написанной совместно с перебежчиком Олегом Гордиевским книге «*KGB. The Inside Story*» (1990; русский перевод «КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева» вышел в 1992 году, переиздан в 1999 году – прим. перев.). Это утверждение вызвало жаркие споры среди историков. Позже кембриджский историк изменил свое утверждение, предположив, что Гопкинс был для русских невольным, непреднамеренным источником. Но если расшифровка телефонограммы была подлинной, то это подразумевало бы, что Рузвельт и Черчилль знали о ненадежности Гопкинса как минимум еще в сентябре 1941 года, если не ранее, хотя нет никаких других доказательств, подтверждающих такое утверждение.

Если эта первая запись телефонного разговора очень подозрительна, то что можно сказать относительно второй? Вероятно ли, чтобы Рузвельт обвинил Черчилля в убийстве адмирала Франсуа Дарлана и герцога Кентского, или в том, что он спровоцировал потопление пассажирского парохода «Лузитания» в 1916 году? На самом деле адмирал Дарлан был застрелен французским убийцей (убийцу звали Фернан Бонье де Ла Шапель – прим. перев.), прошедшим подготовку в лагере в Алжире, которым руководило американское Управление стратегических служб (OSS). А Георг (Джордж), герцог Кентский, погиб в авиакатастрофе, когда его самолет врезался в склон горы в Шотландии. Только в 1980-х возникла теория заговора, утверждавшая, что катастрофа, в которой погиб гомосексуалист герцог Кентский, возможно, не была просто несчастным случаем. Точно так же в 1980-х годах появилось предположение о потоплении «Лузитании», потому что эта катастрофа подвергла отношения германского кайзера с Соединенными Штатами такой большой опасности. Тем не менее, предположение, что Черчилль, возможно, сыграл какую-то зловещую роль в этой морской катастрофе, было категорически очень уж современным феноменом. И все же, здесь мы видим утверждение, высказанное непосредственно Черчиллю в 1943 году, а тот вовсе не стал с этим утверждением спорить. Итак, если поверить этой записи телефонной беседы 1943 года, то премьер-министр, по сути, признался в целой серии преступлений, в которых его не обвиняли ни до, ни после этого на протяжении всей его жизни. Как будто уже одно это не было достаточно маловероятным, так тут есть еще один очень любопытный комментарий, приписанный Черчиллю, что, мол, «мы здесь расстреливаем шпионов». Но на самом деле британцы за время всей войны казнили через расстрел только одного единственного шпиона. Как прекрасно знал Черчилль, вражеских шпионов, пойманных в Великобритании, вешали, а не расстреливали. Возможно, это всего лишь маленькая ошибка, но это не та ошибка, которую когда-либо совершил бы Черчилль, поскольку из документов хорошо известно, что он проявлял особый ин-

терес к судьбе нацистских агентов, признанных виновными в шпионаже в Англии.

Рассмотрев эти две расшифровки радиотелефонограмм, и придя к выводу, что они имеют сомнительную подлинность, можно задаться вопросом, зачем Мюллер стал бы хранить их, ведь он даже не говорил на английском языке. Но если отложить эту деталь в сторону, то что можно сказать о записях допросов? Смогут ли они выдержать тщательную проверку? Автор дает немного деталей о трех американских офицерах разведки, которые осуществляли допросы, но не названный по имени главный следователь кажется чрезвычайно неосведомленным о советских разведывательных операциях во время войны, если предположить, что именно он был отобран для допросов Мюллера, бесспорного эксперта в этой области. Странно, что американский следователь ничего не знал об Анри (Генри) Робинсоне, одном из самых важных примеров советского шпионажа на протяжении всей войны, даже если Мюллер по ошибке называет его саботажником, говоря, что «саботаж был его специальностью». На самом деле Робинсон никогда не был саботажником (диверсантом), зато он был руководителем очень большой советской разведывательной агентуры ГРУ, базировавшейся в Западной Европе, но центром ее был Париж, где Робинсон и был арестован в декабре 1942 года. Степень, в которой Робинсон, который умер в руках немцев, сотрудничал со своими тюремщиками, неизвестна, хотя Мюллер утверждает, что «перевербовал его довольно быстро» и фальсифицировал его казнь.

В дополнение к этому относительно маленькому моменту, в расшифровках допросов есть три других упоминания, которые удивляют. Конечно, предположительно Мюллер высказывает только свое собственное мнение, и говорит о том, что, как он утверждает, было лишь его собственным опытом, но помещенные в контекст 1948 года, они являются чрезвычайно странными.

Возьмем, например, рассказ Мюллера о казни британского предателя сэра Роджера Кейсмента в августе 1916 года. Кейсмент был признан виновным в попытке устроить восстание в Ирландии после того, как он в разгар войны возвратился в эту страну на подводной лодке из Германии. Его просьба о помиловании на основании его прошлых заслуг перед Короной на консульской службе была отвергнута после того, как был распространен документ, из которого следовало, что Кейсмент был ненасытным гомосексуальным педофилом, описывавшим свои сексуальные приключения в живописных деталях. Но был ли этот документ, позже известный как «Черные дневники», подлинным или же подделкой, сфабрикованной бесчестными офицерами британской разведки, и целью этой подделки было заставить замолчать протесты против неизбежной казни Кейсмента? Вопрос этот стал скандальным делом, особенно в Ирландии в 1980-х годах, но

судебная экспертиза дневников, проведенная в Дублине в последние годы, доказала их подлинность.

Однако, когда Мюллер, предположительно, поднял эту проблему в 1948 году, он утверждал, что дневники были подделаны неким неопознанным «швейцарским специалистом», нанятым в соответствии с инструкциями капитана первого ранга Реджинальда Холла, в то время руководителя военно-морской разведки британского Адмиралтейства. В этом своем утверждении, по крайней мере, Мюллер был абсолютно неправ, но что сказать о других его заявлениях?

Одним из них было любопытное утверждение, что два печально известных военных преступника, Одило Глобочник и Кристиан Вирт, были переданы из британской тюрьмы в американскую в обмен на собрание инкриминирующих писем, написанных перед войной герцогом Виндзорским Адольфу Гитлеру. Это, конечно, является знакомой темой, с бывшим королем, виновным в изменнической попытке предать свою страну нацистам, и Мюллер утверждал, что держал копии этих писем. Но могло ли это быть правдой? Так как документы Мюллера никогда не подвергались независимому исследованию, это невозможно сказать, но любопытно, что этот вопрос, поднятый в 1980-х годах, как утверждается, был упомянут еще в 1948. Точно так же Мюллер, как сказано в книге, якобы заявлял, что британское пропагандистское радио, вещавшее из Англии во время войны, способствовало расследованию Гестапо заговора 20 июля, передавая имена вовлеченных. Могло ли быть так? Даже сам Мюллер был неспособен объяснить мотивы тех, кто, предположительно, был вовлечен в такое действие, но само утверждение вызывает вопрос о том, как сами британцы могли тогда знать что-то об участниках заговора?

Публикацию «*Шефа Гестапо*» в 1995 году встретили первоначально с некоторым скептицизмом, хотя было очевидно, что автор предпринял значительные исследовательские усилия, но он никому не хотел позволить провести какое-либо независимое исследование своего архива, и утверждал, что не знал имен предполагаемых следователей ЦРУ, допрашивавших Мюллера. Один биограф, Гитта Серени, потратившая довольно много времени на проверку некоторых документов, касающихся Одило Глобочника, пришла к заключению, что материал, который она видела, был мастерской подделкой. И другие историки тоже выражали беспокойство из-за утверждений Мюллера о количестве жертв Холокоста, и его веры в то, что Гитлер сбежал из Берлина и затем жил в Испании. Были также некоторые противоречия относительно самого Грегори Дугласа, поскольку он, как также говорили, использовал имена Петер Шталь и Вальтер Шторх, хотя когда стал известен его адрес в Детройте, и оказалось возможным побеседовать с ним, то автор отрицал использование им этих имен.

Споры о «Шефе Гестапо» возобновились с выходом второго тома в 1997 году. Эта книга, хотя и была лишена факсимиле многочисленных документов, которые были представлены в первом томе, содержала больше извлечений из записей допросов Мюллера, и интересное раскрытие личности следователя ЦРУ. Автор сообщил, что до настоящего времени он знал этого офицера только под псевдонимом *Welborn-II*, и из замечаний в расшифровках стенограмм сделал вывод, что он во время войны был офицером Управления стратегических служб (OSS), который действовал в северной Италии, и познакомился с Алленом Даллесом. Однако в феврале 1996 года с ним связался Уильям Корсон, автор, писавший на темы разведки и шпионажа, утверждавший, что узнал в *Welborn-II* Джеймса Кронтала, офицера ЦРУ, который совершил самоубийство в своем доме в Вашингтоне, округ Колумбия, в апреле 1953 года. (Иногда фамилия Кронтала, немца по происхождению, пишется также с мягким «л» – «Кронталь» – прим. перев.)

Согласно Корсону и его соавтору Биллу Кроули, с которым Корсон сотрудничал при написании в 1989 году книги «Вдовы», Кронтал был советским «кротом», возможно, завербованным КГБ на основе компромата из-за своей гомосексуальности. Теорию Корсона немного подорвало его неточное описание Кронтала как руководителя резидентуры ЦРУ в Берне с апреля 1947 года (пост, который он никогда не занимал), но идентификация одного из следователей ЦРУ и очевидная поддержка Билла Корсона вновь усилили интерес к разоблачениям Дугласа.

В этом втором томе Мюллер, судя по книге, сделал еще больше разоблачений исторического значения, среди них была его убежденность в том, что катастрофа дирижабля «Гинденбург» в 1937 году была результатом диверсии, а не трагического несчастного случая, как считалось ранее. Мюллер якобы контролировал секретное расследование катастрофы дирижабля и пришел к заключению, что именно бомба с часовым механизмом вызвала пожар, который так быстро уничтожил летательный аппарат, когда тот готовился приземлиться в Нью-Джерси, и что мотивом преступника была личная выгода, а не политика. Хотя ранее ничего не было известно о том, что Гестапо проводило такое расследование, нет никаких причин предполагать, что этот рассказ неправильный, но некоторые из других утверждений, приписанных Мюллеру, кажутся достойными более тщательной экспертизы. Одно из них касается герцога Виндзорского, и утверждения, что он действовал как нацистский шпион, когда был прикомандирован к британским экспедиционным войскам во Франции в 1940 году. Мюллер настаивал на том, что герцог «поставлял очень важные сведения о позициях войск и совместных англо-французских военных планах» и передавал ее через Шарля Бедо, когда «он уехал в отпуск в Париж». Бедо якобы затем передавал информацию в немецкое посольство в Голландии. Но могло ли это быть правдой? Мюллер, похоже, был не самым надежным источником информации о гер-

цого, поскольку он продолжил, что «британское правительство тактично предупредило герцога, что если он не уедет на Багамы в качестве губернатора, они убьют его жену», поэтому ему пришлось уехать». В действительности нет вообще никаких доказательств, подтверждающих это новое предположение.

Хотя причиной предполагаемого интереса ЦРУ к Мюллеру в 1948 году был его опыт в вопросах советского шпионажа до и во время войны, в первом томе *«Шефа Гестапо»* этой теме было посвящено очень мало места. Зато второй том компенсировал это прежнее упущение, дав Мюллеру возможность показать свою ценность. Например, когда допрашивавший его следователь поднял тему нацистской программы разработки ядерного оружия, Мюллер заявил, что СС создали в 1943 году свою собственную схему, независимую от армии. Далее он сказал, что хотя ему неизвестно, какой прогресс был достигнут, он знал, что этому помогла информация, собранная из перехваченных радиogramм, отправляемых советскими агентами в «Манхэттенском проекте». Мюллер описал «перехват и расшифровку радиосообщений, отправленных советскими шпионами в вашей стране в Москву относительно этого дела».

«Если вы знаете, где искать и что искать, то радиogramмы можно перехватить. Вот прочесть их – это уже совсем другое дело. Было много уровней шифров. Некоторые мы взломали, а другие были шифрами одноразового типа, взломать которые было чрезвычайно трудно. Агентурная сеть, работающая из Оттавы в Канаде, также послала сообщения в Москву, и многие из них мы могли читать. Эти дураки часто посылали идентичные сообщения так, что, отслеживая в обратном направлении, мы могли обнаружить то, что было в более сложных шифрах. Мы не получали все, но определенно достаточно для того, чтобы держать мое ведомство в курсе относительно вашего прогресса в создании бомбы».

Тот факт, что Советы проявляли пристальный интерес к англо-американскому проекту создания атомной бомбы, был общеизвестным, конечно, начиная еще с осуждения в 1946 году советского шпиона доктора Алана Нанна Мэя, и к 1948 году большая часть доказательств, представленных перебежчиком из ГРУ Игорем Гузенко, получила широкую известность. Но в этом коротком отрывке Мюллер сделал три удивительных заявления, которые заслуживают подробного анализа, потому что они, конечно, не получили широкого распространения. Во-первых, утверждение, что советские шпионы в Соединенных Штатах и Канаде во время Второй мировой войны полагались на радиосвязь для общения с Москвой; во-вторых, что некоторые из этих сообщений были перехвачены и прочитаны немцами, и в-третьих, еще более удивительное утверждение, что эти сообщения дали нацистам точную картину прогресса, достигнутого учеными, разрабатывающими атомную бомбу.

Первая большая проблема с этим сценарием – это тот факт, что советские шпионские сети в Канаде и Соединенных Штатах полагались на коммерческие телеграфные линии, чтобы передавать свои сообщения в Москву и получать ответы оттуда, поэтому радиоперехват был физически невозможен. Немецкая служба радиоразведки мастерски контролировала поток советских радиogramм на Балканах, но так и не смогла изучить североамериканские сообщения, потому что их отправляли по безопасным наземным линиям связи.

Когда эта расшифровка записи допроса как раз была опубликована Грегори Дугласом в 1997 году, несколько тысяч советских телеграмм, известных в их совокупности как «*Venona*» («Венона»), были рассекречены американским Агентством национальной безопасности, и привлекли к себе большое внимание. Но со времени их публикации в июле 1995 года возникло широко распространенное недоразумение относительно того, как именно был собран этот материал. В действительности резидентуры советских секретных служб отправляли свои зашифрованные сообщения дважды в день из обычных офисов «*Western Union*» в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско, и копии всех этих телеграмм были сохранены телеграфной компанией и впоследствии переданы американским властям. Версия событий, представленная Мюллером, относительно того, как Советы общались с Москвой, была полностью ошибочной, и она подрывает достоверность остальной части его высказываний о значении такой корреспонденции.

Его описание того, как русские копировали важные сообщения на шифрах высокого и низкого уровня, было интересным искажением того, что было достигнуто дешифровщиками в реальности. Эти дешифровщики работали над советскими телеграммами и обнаружили, что некоторые сообщения, содержащие довольно скучные торговые сведения, были зашифрованы с помощью одноразовых шифроблокнотов, которые были раскрыты ввиду дублирования некоторых страниц одноразовых блокнотов (как правило, эти страницы должны были использоваться только один раз). Где было это дублирование, с некоторыми из одних и тех же страниц, использованных для передачи сведений торгового значения (состоящих часто из грузовых деклараций, которые были известны дешифровщикам в незашифрованном виде), там было возможно прочитать фрагменты несколько более интересных телеграмм ГРУ и НКВД, содержавших информацию об агентурных сетях. Из этого материала некоторая часть касалась атомного шпионажа, но ничего там не имело отношения к советским агентурным сетям в Канаде, а тексты относительно «Манхэттенского проекта» были настолько редки, что они, конечно, не могли бы позволить постороннему оценить прогресс, достигнутый физиками в Лос-Аламосе. Большинство сообщений было ограничено административными мероприятиями по работе с агентами, ко-

торые внедрились в Радиационную лабораторию Беркли, в Ок-Ридж и Лос-Аламос, но даже с самым большим напряжением воображения этот материал не давал никаких указаний о том, чего достиг проект.

На самом деле союзники, когда атомные бомбы уже были сброшены на Хиросиму и Нагасаки, узнали от группы ведущих немецких ученых, заключенных в Фарм-Холле, Кембриджшир, что ни один из физиков во главе с Вернером Гейзенбергом никогда даже не предполагал, что американцы или британцы добились расщепления атома или цепной реакции для применения в качестве оружия. Удивление, выраженное заключенными, было абсолютно искренним, и реакция немецких ученых и их последующие частные дискуссии были записаны при помощи скрытых микрофонов. А ведь, если верить рассказу Мюллера, они должны были бы быть полностью осведомлены о том, что было достигнуто в Лос-Аламосе. Как же было возможно, что Мюллер мог знать то, чего не знали ведущие ученые Рейха?

Существование большой советской агентурной сети в Канаде во время войны стало известно британским, канадским и американским властям в сентябре 1945 года после побега шифровальщика ГРУ Игоря Гузенко, разоблачившего интерес ГРУ к физикам, таким как Нанн Мэй и другие, которые работали над «Манхэттенским проектом» в Чок-Ривер. Однако ни американцы, ни канадцы не перехватили ни одной из телеграмм посольства, и нацисты тоже не могли этого сделать, потому что советские спецслужбы полагались на коммерческие наземные линии связи. Тогда что нам делать с воспоминаниями Мюллера, будто бы Гестапо читало советские телеграммы? Он явно ошибался, но тогда так же ошибался и Фрэнк Уизнер (иногда его фамилию пишут по-русски как «Уиснер» – прим. перев.), офицер ЦРУ, которого Грегори Дуглас идентифицировал как второго следователя Мюллера, обозначенного как «Q-2».

Уизнер был во время войны офицером OSS, и он руководил Бюро координации политики (Office of Policy Coordination, OPC), первоначальной секретной службой ЦРУ. Согласно Грегори Дугласу, осенью 1948 года именно он допрашивал Мюллера, и в расшифровках стенограммы допроса появилось такое вот странное утверждение:

«Мы обнаружили, что любая попытка разоблачить или наказать советских шпионов окажется причиной немедленного увольнения со службы. Когда мы нашли их шпионов, действующих в проекте по созданию атомной бомбы, нам сказали, что Рузвельт лично запретил нам трогать любого из этих людей. Нам также строго запретили подслушивать их радиосвязь с Москвой, но, конечно, мы не

послушались президента, потому что это было областью, в которой у него не было никакого контроля».

Итак, Фрэнк Уизнер подтверждает в 1948 году, что во время войны OSS или, возможно, американские власти контролировали радиосвязь «агентурной сети с Москвой», несмотря на то, что никакой такой радиосвязи еще не существовало. В реальности ЦРУ не было даже ознакомлено с программой «Венона» до 1952 года, из-за чего возникает вопрос, как мог Уизнер так свободно обсуждать этот вопрос с нацистским военным преступником *за пять лет* до того, как ему самому сообщили об этом. Запись допроса также указывает на то, что Уизнер и его коллеги из Управления стратегических служб знали о шпионах в «Манхэттенском проекте» еще до смерти президента Рузвельта, тогда как на самом деле никто из сотрудников OSS никогда не был посвящен в этот проект.

Любопытно, что расшифровки записи допроса показывают, что и Мюллер, и Уизнер сделали одну и ту же ошибку о происхождении материала «Веноны». Одно возможное объяснение состоит в том, что записи были сфальсифицированы кем-то, кто не понял точный характер «Веноны». В любом случае, и Мюллер и Уизнер были полностью неправы в своем понимании этого ценного источника, и эта ошибка существенна для определения значимости бывшего руководителя Гестапо в глазах ЦРУ. Ведь предполагается, что Мюллер представлял ценность для ЦРУ именно благодаря своему знанию советского шпионажа, и это знание, как он объяснил, было собрано из перехвата как раз этого обмена сообщениями. Другой странный аспект замечаний Уизнера – его настойчивое упорство в том, что президент Рузвельт якобы наложил запрет на расследование советского шпионажа, и что любому, кто был бы застигнут за преследованием советских шпионов, угрожало «немедленное увольнение со службы». Это воистину странное наблюдение, потому что OSS, разумеется, вообще не занималось никакими контрразведывательными операциями против советских шпионов и ничего не знало о «Манхэттенском проекте», тогда как ФБР полностью посвящало себя таким расследованиям и накопило достаточно информации, чтобы добиться высылки из Америки в 1944 году резидента НКВД в Вашингтоне Василия Зарубина. ФБР проводило многочисленные контрразведывательные операции против советских спецслужб, держало под наблюдением десятки подозреваемых, и играло жизненно важную роль в расследовании утечек информации из «Манхэттенского проекта», поэтому утверждение Уизнера не имеет никакого смысла.

Когда его пригласили составить список советских агентов, активно действующих в Соединенных Штатах, Мюллер назвал сорок три имени, включая Алджера Хисса, Сэмюэля Дикстайна, Гарри Декстера Уайта и Роберта Оппенгеймера. Кроме того, Мюллер заявил, что «все эти источники были идентифицированы по

именам в различных связях с Москвой. Мы перехватывали радиообмен из Соединенных Штатов и из Канады, и их имена – компиляция обоих источников, плюс информация, извлеченная из моих собственных допросов». Итак, Мюллер утверждал, что имена Хисса, Дикстайна, Уайта и Оппенгеймера были раскрыты благодаря советскому радиообмену, тогда как на самом деле это никак не могло быть так. В телеграммах НКВД фамилии большинства шпионов были скрыты под агентурными псевдонимами, и это было особенно верно для Алджера Хисса и Гарри Декстера Уайта. Псевдонимы обоих этих людей появляются в телеграммах, расшифрованных по программе «Венона», и контекст предполагает, что они действовали как шпионы, но упоминание Оппенгеймера не было инкриминирующим, и имя Дикстайна не появилось ни в одном из советских сообщений. На самом деле роль Дикстайна как «крота» НКВД была раскрыта Олегом Гордиевским в его совместной с Эндрю книге о КГБ. Особенно экстравагантной всю эту историю делает эксцентричное (и совершенно неверное) утверждение Дугласа, будто бы «американская разведка позже обнаружила, что Гордиевский был двойным агентом».

Даже если могла быть некоторая путаница относительно того, где точно Мюллер получил свою информацию, то его доказательства, касающиеся Хисса и Уайта, считались бы очень важными в 1948 году, когда оба эти человека как раз и подозревались в шпионаже. Хисс был, в конечном счете, признан виновным в лжесвидетельстве, тогда как бывший помощник секретаря Казначейства (министра финансов США) Уайт умер от сердечного приступа спустя неделю после дачи показаний перед Конгрессом. Если Кронтал или Уизнер знали хоть что-то о расследованиях деятельности советской разведки, проводимых в Соединенных Штатах, то они должны были бы знать, что за доказательства Мюллера относительно этих печально знаменитых предателей тут же ухватились бы как за потенциально чрезвычайно важное подтверждение. Что касается президентского запрета на любые расследования советского шпионажа или на перехват советских коммуникаций, то Уизнер, должно быть, очень серьезно ошибался. Подобного запрета никогда не было, и криптоаналитическая программа, осуществлявшаяся Службой безопасности связи армии, началась в 1943 году в Арлингтон-Холле и продолжалась под эгидой ее организаций-преемников, включая Агентство национальной безопасности, пока она не была завершена в 1979 году.

Список Мюллера из сорока трех шпионов, описанных как «очень важные источники для Советов», о некоторых из которых он знал, что они были «платными агентами Москвы» кажется неокончательным, поскольку контекст соответствующей расшифровки записи допроса предполагает различие между двумя категориями, которое, как сказал Мюллер, он пояснит в будущем, если «наши пере-

говоры будут успешными». Мюллер, кажется, стоял на более твердой почве, когда говорил о британских предателях, и спросил своего следователя: «У вас есть список англичан, которых хотелось бы проверить?». И продолжил: «Я могу дать вам одно очень хорошее имя: Виктор Ротшильд».

Это предложение, сделанное якобы в 1948 году, звучит фальшиво, поскольку в то время лорд Ротшильд не играл никакой роли в разведке и делал независимую карьеру ученого-биохимика. Между 1940 и 1945 годами он служил в МИ-5 советником по науке и экспертом по противодействию саботажу, но он никогда не был ни влиятельной, ни высокопоставленной фигурой в британском аппарате безопасности. Его доступ к секретной информации устарел уже больше чем на четыре года, и все же он кажется любопытным именем для Мюллера, чтобы тот упомянул его как важного человека в 1948 году. Возможно, здесь сыграло большую роль то, что Ротшильд стал очень спорной фигурой незадолго до публикации второго тома Грегори Дугласа, частично из-за многолетних сомнений в некоторых кругах в его лояльности. Эти сомнения основывались на старой дружбе Ротшильда с печально известными «кротами» Гаем Бёрджессом, Кимом Филби и Энтони Блантом. Также учившийся в Кембридже и подозреваемый как бывший член компартии Великобритании, Ротшильд попал в заголовки новостей перед своей смертью в 1990 году, хотя он был практически неизвестен в 1948 году, когда Мюллер якобы выбрал его, прежде всех остальных, в качестве важного разоблачения.

Естественно предположить, что соответствующая запись допроса, в которой было упомянуто имя лорда Ротшильда, происходила вовсе не из 1948 года, но была намного более позднего изготовления. Воздействие упоминания этого имени в 1948 году было бы минимальным. И если бы Мюллер действительно обладал знаниями о советском проникновении в «Манхэттенский проект», то существуют другие имена, которые послужили бы его цели куда более эффективно, если он намеревался дать ЦРУ некоторое представление о подлинности и ценности своего материала. Например, в 1948 году ФБР было все еще озабочено охотой на «крота», пытаясь идентифицировать наиболее важного шпиона в Лос-Аламосе, псевдонимами которого в советских телеграммах были «Рест» и «Чарльз». Петля в 1948 году все больше сжималась вокруг пары кандидатов, оба из которых продолжали работать в области атомных исследований в Англии, возможно, все еще занимаясь шпионажем, так что это расследование, которое к тому времени длилось три года, было главным приоритетом. Год спустя, конечно, этот преступник был идентифицирован как физик Клаус Фукс, и именно он был ответственен за часть информации, содержащейся в перехваченных текстах «Веноны», которые оказались настолько ценными для Советов. В действительности из всего материала «Веноны» именно сообщения от Фукса, вероятно, обеспечили

самые важные данные о «Манхэттенском проекте», и если это были те же самые сведения, которые были доступны Мюллеру, почему же он тогда не раскрыл имя Фукса? Его выбор Ротшильда, в предпочтении к любому другому имени, кажется очень странным.

Итак, при анализе второго тома Грегори Дугласа нам представляется, что большая часть книги вызывает серьезные вопросы относительно достоверности сообщений Мюллера. Хотя ни один из его следователей, кажется, не давил на него в этом вопросе, утверждение Мюллера о том, что он получал материалы радиоперехвата, которые разоблачали советских шпионов в Соединенных Штатах, практически было невозможным. То, что ни Кронтал, ни Уизнер не поняли этого, и, казалось, находились в плену того же неправильного представления, предполагает, что одна и та же рука, возможно, стояла за фальсификацией этих расшифровок записей допросов.

Что касается третьего тома *«Шефа Гестапо»*, изданного в 1997, то там было меньше сенсационных разоблачений, и автор возвратился к своим более ранним замечаниям Мюллера о Викторе Ротшильде, доказывая, что тот был членом советской агентурной сети, возглавляемой Анри Робинсоном, и его имя было упомянуто в бумагах, захваченных из его парижской квартиры в 1943 году, наряду с приблизительно сорока другими именами. Среди этих имен называются такие совершенно невероятные советские агенты как Эрнест Бевин, сэр Чарльз Хэмбро, и сэр Морис Хэнки.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

[Велесова Слобода, 2016 г.](#)